

ПРАЗДНИЧНЫЙ ВЫПУСК

Информационная школьная газета распространяется на территории школы и администрации. Выходит один раз в месяц

Как, в сущности, очень мало мы знаем о Великой Отечественной войне, как мало ценили и ценим тех людей, которые жили в то время – воевали, трудились, были детьми. В наших сёлах: Ключи-Булак, Леонова, Кумейка уже не осталось ни одного ветерана войны – многие погибли на фронте, кто-то умер совсем недавно. Время забрало всех. К сожалению, очень поздно мы стали собирать и сохранять воспоминания о тех великих годах. Многие ушло в небытие. Поэтому я хочу обратиться ко всем, чьи родные, знакомые, пережившие войну, ещё живы. Собирайте по крупицам их бесценные воспоминания, ведь без прошлого нет настоящего и будущего.

Память об этих удивительных, честных, героических людях мы должны сохранить на всю свою жизнь и передать будущему поколению. Они всегда будут примером для нас. Мы гордимся ими! И, конечно, гордимся Великой победой!

ПОКА ПОМНИМ!

ПУСТОШИЛО ПОЛИНА ЕГОРОВНА

Моя бабушка, Пустошило Полина Егоровна (девичья фамилия Чирикова), во время Великой Отечественной войны проживала на территории Белоруссии, оккупированной фашистами. И вот что она мне рассказала о тех страшных годах прошлого. Родилась она 17 января 1932 года в Минской области Крупского района в деревне Копище. На момент начала войны бабушке было всего лишь 9 лет, но те страшные военные годы запомнились ей на всю жизнь.

«Однажды летним днем в нашу деревню вошли немцы. Ходили по всем хатам, забирали всё съестное, уводили скот. В наш дом они тоже наведались и всё кричали: «Матка, яйки, млеко!» (яйца, молоко).

Мы жили в постоянном страхе. Страшная участь постигла всех евреев нашей округи. Их уводили за околицу, заставляли рыть окоп, сгоняли в него и расстреливали. Затем сверху засыпали землёй. Зрелище было страшное! Дня три земля над окопом «ходила ходуном» и были слышны стоны.

Расстрел гитлеровцами советских граждан. Белоруссия. 1943-1944 гг.

Ещё отец рассказывал, как в соседней деревне, где жила моя тётя, сожгли живьём людей. Немцы и полицаи собрали жителей, загнали их в колодец и, облив бензином, подожгли. А трудоспособное население, в основном молодежь, сгоняли в центр деревни, грузили в машины и увозили. Как потом говорили взрослые – в Германию. Чтобы избежать этой страшной участи, местные парни и девчата натирали руки и ноги ядовитой травой, от которой покрывались сыпью. Фашисты боялись всякой заразы, такой как тиф и корь, и их не трогали. В дома, где были больные, немцы даже не заходили. Многие молодые люди уходили в лес в партизаны

Насильственная отправка граждан Беларуси на работы в Германию. 1942 г.

Мой дядя тоже ушел в партизаны. Полицай узнали об этом и очень часто навевались с проверками. Однажды ночью дядька пришёл домой, чтобы навестить родных и помыться в бане. В эту же ночь он ушел обратно. О его появлении в деревне стало известно полицаям, они доложили об этом фашистам. Наутро дом был окружен и подожжен. Но односельчане заранее предупредили семью дяди, и они успели спрятаться в лесу.

Немцы не оставляли в покое и пожилое население: отправляли впереди себя в брод по реке, чтобы не наткнуться на мины, а сами шли следом. Жители называли это – идти «под воды». Так однажды пришли и за моим отцом, но он отказался идти, за это его очень сильно избили. До сих пор удивляюсь, как он остался живой.

Бывало, ночами в деревню тайком приходили партизаны за продуктами. Жители помогали, чем могли. Но были и мародеры, которые не брезговали ничем, забирали последнее.

Пришли и в наш дом, забрали продукты, вещи, какие ещё оставались у нас, а с отца даже сняли верхнюю одежду, папа остался в одних кальсонах. После таких нашествий фашистов и полицаяв,

мы долго испытывали страх и никак не могли успокоиться. Нашу деревню немцы частично сожгли, и мы вынуждены были, как и другие семьи, уйти в лес. Там рыли землянки и жили в них, пока немцы не покинули деревню. Было очень страшно. Сутками мы, ребятишки, не выходили из землянок. Бывало, выглянешь – всё кругом горит, свистит, взрывается. Когда становилось спокойней, ходили по полям, собирали ржаные колоски, вырывали оставшуюся картошку, зачастую мерзлую и гнилую. Всё, что было собрано, несли домой – в землянку. Мама перетирала всё это и стряпала лепешки. Они были для нас очень вкусные! Голодать пришлось долго, ели всё подряд: и крапиву, и лебеду.

Население сожжённой оккупантами деревни в лесном лагере. 1944 г.

Но, наконец, настал день, когда немцы ушли. Теперь по деревне шли наши солдаты, мы были очень рады. Вместе с взрослыми помогали военным: приносили еду, поили лошадей, ухаживали за ранеными. Нам, детям, приходилось убирать убитых, мы их стаскивали в одну могилу.

Возвращение домой через уничтоженную фашистами деревню. 1944 г.

Война не обошла стороной и моего мужа. Пустошило Вячеслав Яковлевич родился 12 января в 1934 году, жил он в соседнем районе, в деревне Гаравец. Когда началась война, его отец вместе с братом ушли в партизаны. Дома остались жена и четверо детей. Слава был самым старшим ребенком в семье, ему исполнилось семь лет, а самая маленькая сестренка была ещё грудной.

Полиции выдавали семьи партизан. Так была расстреляна вся семья моего будущего мужа. Он сам остался в живых чудом, так как получил тяжёлое ранение в щеку навывлет и потерял сознание. Немцы не заметили, что Слава жив. Очнулся он ночью, под трупами родных, от холода и голода, не осознавая, где и сколько времени он находится. Ночью пополз к тетке Маланье в соседнюю деревню, днём прятался в лесу, ел что приходилось. Потом попал в детдом. Так прошло три долгих мучительных года оккупации.

Слова моей бабушки подтверждает найденный мною документ – Политдонесение оперативному центру штаба партизанского движения Белоруссии по Вилейской области от комиссара партизанского отряда «За Советскую Беларусь» Целуйко В. Ф. за май месяц 1944 года. Вот выдержки из него: «Начиная с 27 мая немцы начали бомбить деревни и сжигать с самолетов в районе между городами Вилейка и Сморгонь. Одновременно пустили живую силу с танками и пушками, бронемашинами, мотоциклами. За 28 и 29 мая сожгли ... деревни: Дубище, Копище, Медведино, Колянг,... Гостилово,... Трепаново, Шведы, Осиновка, Долгое, Прынта, Красница, Ляховщина, Елажичи, Вайдени, Ручица, Ковали, Ермоличи, Камаришки -итого 21 деревню Куреницкого района. Сжигают решительно все постройки, ... и лошадей угоняют, крестьян стариков и детей убивали и трупы бросали в огонь, трудоспособных угоняли с собой. В одной деревне Дубище, которая насчитывала 10 домов, сожгли 15 человек. Часть населения, которая скрылась в лесах, осталась в живых. 30 мая сжигание деревень производилось этими извергами в Сморгонском районе. Армия была разнообразная: немцы СС, украинцы, СД польское, Краевая Белорусская оборона, ... Данные уточняются, сообщим в разведданных. Комиссар отряда «За Советскую Беларусь». Целуйко. 31.05.1944 г.»

Оккупация закончилась. 30 июня 1944 года Крупский район был освобожден от фашистских захватчиков. 2614 крупчан были награждены орденами и медалями. Золотыми буквами

вписаны в историю района имена 17 Героев Советского Союза, 11 из них — уроженцы Крупщины. Но время оставалось тяжёлым. Вот что об этом вспоминает моя бабушка: «После войны было тоже нелегко. Голод. Разруха. Работали все, кто мог, в том числе и несовершеннолетние дети. Я, бывало, помогала родителям жать хлеб, молотила цепами, на покосе на волокушах возили сено вместе с сестрами. Когда оставалась дома, подою корову, приготовлю покушать и засыпаю уставшая, мать возвращается с поля - всё убрано, а «хозяйюшка» спит.

Питались мы плохо после войны. Хлеб выдавали по карточкам, примерно 200 граммов на человека, а потом стали давать булку хлеба на семью. Получишь её, идешь домой и не знаешь, как мать делить на всех будет. Нам хлеба на всю семью не хватало, поэтому стряпали лепёшки из травы, картошки. Такой хлеб получался, что даже в рот не лез. Масло тоже сами толкли из семян конопли. Сахара не было, выдавали сахарин. В основном питались тем, что брали от природы.

Но, несмотря на голод, нам нужно было платить натуральный налог: мясо, молоко, яйца, шерсть и др. Приходила официальная бумага на сдачу продуктов, если их не хватало, покупали и сдавали.

Во время войны было не до учебы, но и после знания давались с трудом. В школу ходили в соседнюю деревню за 3 километра. Книжек не было, писали на газетах между строк, учились читать также по газетам, одна читает, остальные слушают.

Ходили, в чем придется: в лаптях, в самотканых платьях. Бывало, идешь в школу в дождь в лаптях. Ноги мокрые, остановишься, снимешь лапоть, выльешь воду, оденешь и дальше пойдешь. Платье было из мешковины, все ноги исцарапает. Так и учились. Когда подросла, пошла работать в колхоз, потом на торфзавод. От постоянной нужды, нищеты и голода моим родителям вместе с нами пришлось уехать по вербовке на работу в Сибирь».

Моя бабушка уже не помнит, почему и как их семья оказалась именно в наших краях. Вот её воспоминания об этом времени:

«Председатель колхоза направил нас в деревню Кумейка. Здесь мы семьёй работали в колхозе. Вскоре в наш дом пришла беда – моему отцу отрезало плугом ногу. Его положили в больницу в городе Братске, и мне, чтобы ухаживать за ним, пришлось уехать к нему. Там я устроилась посудницей в Братскую столовую. Поработав до выписки папы, уволилась, и мы снова вернулись на работу в колхоз.

Здесь я работала поваром, где и встретила своего будущего мужа.

*Полина Пустошило.
Город Братск. 1952 г.*

Прожив двенадцать лет, мой отец заскучал по родным местам, и мы приняли решение вернуться в Белоруссию. Я устроилась на стройку в деревне Бобр, а мой муж – в военную часть. Но в Белоруссии отцу стала хуже, он заболел и принял окончательное решение возвратиться в Сибирь. Вернувшись, мы больше никуда не выезжали. И вот сейчас уже идёт пятьдесят второй год, как мы живём в деревне Кумейка».

*Супруги Пустошило.
Деревня Кумейка. 1959 г.*

Почти всю свою жизнь моя бабушка проработала дояркой на ферме. Это был очень тяжёлый труд, поэтому в последние годы своей трудовой деятельности она работала в школе сторожем-кочегаром.

Моей бабуле в этом году исполнилось 83 года, но она ещё полна сил. Бабушка сыграла огромную роль в моей жизни. Она воспитывает меня с 7 лет, заменив рано ушедшую из жизни маму. С самого раннего детства она стала дорогим и незаменимым для меня человеком, добрым, отзывчивым, внимательным к моим победам и поражениям.

Необычная сила духа, несмотря на тяжелое и страшное детство, непростую молодость не даёт ей унывать, и вызывает чувство огромной гордости и уважения!!!

Я счастлива, что у меня есть такая бабушка!!!

Чирикова Полина

ИЛЬИНЕЦ МАТРЕ́НА ВАСИЛЬЕВНА

Война - это страшное событие всех времен, которое не обошло и мою семью стороной. Вот что мне рассказала моя прабабушка, труженик тыла – Ильинец Матрёна Васильевна: «Жили мы в деревне Карай. В семье нас было 8 детей: Андрей, Данила, Анастасия, Александр, Вера, Матрена, Виктор, Ольга. Саша и Оля умерли еще в детстве. Я была шестым ребенком. Мама – Наприенко Евдокия Якимовна растила нас одна. Отца Василия Емельяновича убили еще до войны в 30 году. Когда началась война, мне было 15 лет.

Матрёна в послевоенные годы

Спрос в работе был как с взрослого. Из села стали забирать мужчин и парней на фронт. Из моей семьи забрали старших братьев Андрея и Данилу. Витю забрали в Иркутск на военный завод. Весь труд пал на наши хрупкие женские плечи. В семье остались мы с мамой, невестка, сестра Вера и племянница Галя, которой был всего 1 год. Позже к нам переехала сестра Настя с ребенком. Работали сначала вручную: перекапывали землю, тягали плуги, косили, жали.

С наступлением осени стали работать на лошадях. Возили тяжелые мешки с зерном, сено. Техники не было никакой, все делали руками. В 1943 году домой вернулся брат Андрей.

Он был назначен бригадиром колхоза. Второй брат Данила был ранен. После ранения он остался работать в Москве на военном заводе. Там же женился и остался жить.

После войны в 45 году продолжали работать. В 46 году я поехала учиться на агротехника в город Куйтун. Там проучилась только год. Можно было остаться учиться на агронома, но у меня не хватало образования.

В 1948 году я вышла замуж. В семье родилось 6 детей: Люба, Володя, Валя, Капа, Толя и Галя. Жили дружно, работали вместе. Сейчас у меня очень большая семья: 13 внуков и 25 правнуков, но хотелось бы помянуть и праправнуков.

Семья Ильинец Матрёны Васильевны

К сожалению, осталось только четверо детей: Люба, Володя, Валя и Капа.

Муж Василий Федосеевич был в нашем селе последним ветераном ВОВ, он умер в 2012 году.

Иногда болею, но никогда не отчаиваюсь, чего и всем своим родным желаю. Сейчас мне 89 лет и я полна сил и энергии»
Когда я попросила свою бабушку рассказать мне о своей жизни во время войны, то она не смогла сдержать слез. Очень тяжелым было для неё то время....

Алёна Белецкая

ПУЗИКОВ АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ

Я хочу рассказать о своем дедушке - Пузикове Анатолии Ивановиче.

Родился 11.05.1929 в деревне Вторая Николаевка, Новосибирской области, где и провел все детство. Когда началась война, ему было всего 12 лет. Во время войны работал в колхозе кузнецом. В 1943 закончил седьмой класс. В 1950г. ушел в армию. Прослужил он 4 года в Германии сержантом. В 1954 вернулся со службы домой. За тем 30 лет отработал в шахтах города Балея.

Имеет много наград, грамот и медалей: "Почетный горняк", " Лучший работник предприятия" и много других, звания: ветеран труда, труженик тыла. Каждый год 9 Мая дедушке приходят письма - поздравления от президента, каждые 5 лет вручается медаль к " Юбилею Победы".

Я очень люблю своего дедушку и горжусь им.

Анастасия Григорьева

На выходе из шахты

Дедушкины медали

РЫБКИН МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ

Деда звали Рыбкин Михаил Сергеевич, он был уроженец села Шаманово. Годы жизни - 1921-1996. Участвовал в Великой Отечественной войне 1941-1945гг., встретил победу в Берлине. Воевал на первом Белорусском фронте. Был офицером, участвовал во многих сражениях: освобождение Польши, взятие Берлина и др.

Однажды, в Берлине, мой дед (как рассказывал он моему отцу) со своим отрядом при взятии дома, где находилось скопление немцев, получил ранение в обе ноги, но раненный, уничтожил около десятка немцев. Был госпитализирован. Долгожданную Победу встретил там же в Берлине.

Он получил множество наград, медалей и орденов, среди которых два «Ордена Славы» II и III степени.

После войны вернулся домой, потом уехал в Усолье – Сибирское, там работал, жил с семьей до последних дней. Лично я горд, что в нашей семье был такой герой, который внес свой вклад в освобождение страны от фашизма.

Иван Сергеевич

Супруги Рыбкины

БУРЕНКОВА АЛЕКСАНДРА ИННОКЕНТЬЕВНА

Великая Отечественная война - страшное событие XX века, которое затронуло всех. В каждой семье есть человек, который пережил эти страшные годы. В каждой семье есть своя история о годах войны. Чем дальше мы от тех лет, тем меньше остаётся очевидцев, и вместе с ними уходит и память.

Мою семью также не обошла стороной эта беда. О том времени мне постоянно рассказывает моя бабушка. С огромным интересом я слушаю её жизненные истории. И сколько бы она мне не рассказывала об этом, слёзы на её глазах появляются как в первый раз.

Моя бабушка - труженик тыла Бурenkova Александра Иннокентьевна. Она родилась 22 апреля 1931 года в селе Шаманово (ныне затопленное Братским водохранилищем). И вот, что она рассказывает:

«Мы жили в с. Шаманово большой, дружной семьёй. В нашей семье было десять детей, из них трое парней и семь девочек. Я была шестым ребёнком в семье и работала наравне со всеми.

**Маленькая Шура (четвёртая слева).
Начало 30-х годов**

У нас было достаточно крупное хозяйство, и работы хватало всем.

Когда наступила война, мне было десять лет.

Из нашей семьи ушли на фронт трое моих братьев - Николай, Константин и Иннокентий. Школу пришлось бросить. Из мужчин дома остался только мой отец, он работал ветеринаром. Его целыми днями не было дома. Он был единственным специалистом в нескольких совхозах.

Все домашние заботы легли на наши девичьи плечи. Приходилось выполнять мужскую работу. Нужно было прокормить не только большую семью, но и отдавать часть продуктов на нужды армии. Мы заготавливали для армии картошку, морковку, свёклу. Взяли шерстяные носки и перчатки с тремя пальцами для стрелков. Можно было сказать, что мы не голодали, нас выручало крупное хозяйство, большой участок земли, а отцу выдавали зарплату продуктами. Но всё же работы было очень много. Работали допоздна. Пахали на конях, сеяли, жали, собирали зерно. Пилили дрова бригадами и зимой и летом. Первые три года я работала нянечкой в детском садике. Одна из женщин отдала свой дом под детский сад. И меня как ответственною девочку приняли смотреть за малышами. Но вскоре я стала работать наравне со всеми, а на моё место пришли другие дети помладше.

Письма от братьев с фронта мы ждали с нетерпением. Бывало, что они не писали по три месяца. Мы очень сильно переживали, но, когда приходили письма, у нас сразу поднималось настроение. Они описывали происходящие на полях сражений события. Иногда в письмо было вложено фото.

**Старший брат
Николай
(начало 1944 г)**

Первой всегда читала бабушка, потом письма переходили по возрасту (от старшего к младшему), и до меня доходило после «семи рук». Мы забивались в углы дома или двора и с трепетом читали эти письма как настоящие повести. Нам казалось, что мы рядом с ними. Иногда удавалось отправить им посылки. Мы в них клали вязаные вещи и что-нибудь вкусное.

**Брат
Иннокентий
(фото с фронта)**

Мы надеялись и верили каждый день, что война вот-вот закончится и братья вернутся домой живыми и невредимыми. О победе я узнала по радио, которое было установлено на ферме. Нас переполняло неисчерпаемое счастье. Слезы бежали рекой. Мы танцевали и пели. Ждали братьев, чтобы устроить большой праздник. К счастью, все трое вернулись домой живыми, но старший брат Николай вернулся в августе 1944 года без левой ноги. Это стало для нас шоком. Но он как настоящий мужчина не принимал эту потерю близко к сердцу и в шутку говорил: «Лишь бы чёрт был жив, а что без хвоста, да и ладно!».

Вторым в начале июня пришёл Костя, в конце этого же месяца пришёл и Кеша. На их теле сверкали медали, которые для нас казались чем-то бесценным и прекрасным, вызывая в нас чувства гордости и патриотизма.

**Встреча братьев с родственниками
после войны (баба Шура справа)**

Такого праздника я ещё не видела. Гулянье было на всю деревню. Поздравляли, обнимались, плакали, танцевали все - все, «от мала до велика». Война переменяла наши судьбы. Каждый стал смотреть на мир другими глазами. Мы уже не были детьми, потому что наше детство рано закончилось и не смогло продолжиться после войны.

Я каждый раз с трепетом вспоминаю то время, когда мы боролись и выживали. С тех пор я в жизни твёрдый и решительный человек, как говорят мои близкие, «кремень». Я пережила несколько операций и рак. Вырастила шестерых детей и восемнадцать внуков и правнуков, и я горжусь ими.

Всю свою мирную жизнь проработала на ферме. До сих пор веду большое хозяйство, конечно, с помощью моих детей и внуков. В апреле мне исполнится 84 года, но из памяти никогда не уйдёт то, что мне пришлось пережить в детстве».

На покосе.

Моя бабушка впервые так целиком и полностью рассказала мне о своём детстве. Она всегда рассказывала мне обрывками историй, и у меня не складывалась единая картина. Но благодаря тому, что я решила написать о ней статью в нашу школьную газету, у меня сложилось полное представление о её трудной, но такой удивительной жизни. Я не жалею, что решила это сделать. Ведь это история нашей семьи. И её нужно сохранить и пронести через поколения. Чтобы наши дети знали, что в нашей семье есть настоящие герои. И глядя на её медали и слушая рассказы о прошлом, я понимаю, что моя бабушка - самый настоящий герой.

Буренкова Яна

ВОТЯКОВА НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА

Война 1941 - 1945 гг. забрала много жизней. Люди умирали от пуль, бомбёжек, голода, холода. Но жизнь продолжалась. Дети и взрослые работали сутками: готовили боеприпасы, вязали тёплые вещи, выращивали овощи и табак, работали на заводах и фабриках.

Ребенком войны оказалась жительница нашего села Вотякова Надежда Константиновна, которая согласилась дать интервью школьной газете. - Надежда Константиновна, расскажите, пожалуйста, о происходящих в те годы событиях.

- В то время было мне 8 лет. Маленькая ещё, но уже понимала, что происходит. Страшно, конечно же, было. В первый год ещё как-то справлялись, на фронт мужчины ещё не уходили. Только на второй год стали уходить. Помню, тогда папа ушел и брат Миша, остались старшая сестра Груша, Людмила, Иван, Зоя, я и Сашенька. Год ей был, когда папа с братом ушли. Груша уже могла работать, я только дома сидела и водилась с Сашей.

Вся работа легла на женские плечи - все мужчины ушли. На тракторах ездили, пахали, дрова рубили, да, все делали теперь женщины. В школу я ходила. Один учебник на несколько человек, но учились. Учителя хорошие были, все устраивало.

Деревня у нас хорошая была. Рядом река Ангара.

Помню в походы ходили. Деревня, конечно же, красивая, родная, но вскоре, после войны, когда ГЭС строили, затопили нашу деревню Большеокинск. Жаль, конечно, но что поделаешь, даже стихотворение написала.

Здесь детство трудное моё, прошло.
Давно мы распрощались с тобой.
Давно исчез с земли твой след,
Осталось место под водою.
Но в памяти моей, ты жив!
Стоишь красиво над рекою.
Красавица моя река!
Как много связано с тобою,
Весь день с тобой на берегу.
Купались, удили, играли,
С крутого берега к реке
Зимой на санках, мы катались,
А за рекой, красивый лес.
Грибами, ягодой богатый.
И яр, на правом берегу,
Струился весь в лучах заката.
А за селом, такой простор,
Степи, озера незабудок,
Пасется скот, в густой траве,
Клубника зреет во дворе,
А вдалеке как верный,
Гора красиво улеглась,
Мы камнем гору эту звали
И часто там все мы бывали.
Весною ранней, там цвел Багульник,
Как бы, сиреневый туман,
Подснежники там расцветали.
Мы - дети, пасху там встречали.
Поля, богатая земля.
На ней трудились люди, дружно.
Растили хлеб, так было нужно...

Я постепенно росла. Помогать маме стала. Работа была не из легких, но справлялись. Помню, как на фронт печенье пекли. Не такие как сейчас. Большую полоску резали по частям и в посылку. Помню, пряжу делали из конопли, одежду шили, платья даже в те времена себе красивые шили, сапоги делали уже из кожи. Да, как могли, так и помогали. Страшно было, когда похоронка приходила. К семье какой придет, всей деревней плачем. Потом в марте 1945 года, немного до конца войны оставалось, Миша погиб. А когда прошла война, папа вернулся. Радовались, что война кончилась. Но все равно, нужно было теперь все восстанавливать. Ничего, справились. После интервью Надежда Константиновна показала нам фотографии. Фотографий военных лет было очень мало, но все-таки мы увидели их.

Фотографии интересные, в каждой частичка истории. Что же я хочу сказать вам в конце? Страшные, конечно, были времена, но наш народ пережил, они боролись до последнего и победили. Слава нашим солдатам!

Ин-Тожун Вика

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЧКА

Константин Симонов

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину - такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.
1941г.

*Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.*

АТАКА

Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Готовясь броситься в атаку,
Винтовку вскинул на бегу,

Какой уютной показалась
Тебе холодная земля,
Как все на ней запоминалось:
Примерзший стебель ковыля,

Едва заметные пригорки,
Разрывов дымные следы,
Щепоть рассыпанной махорки
И льдинки пролитой воды.

Казалось, чтобы оторваться,
Рук мало — надо два крыла.
Казалось, если лечь, остаться —
Земля бы крепостью была.

Пусть снег метет, пусть ветер гонит,
Пускай лежать здесь много дней.
Земля. На ней никто не тронет.
Лишь крепче прижимайся к ней.

Ты этим мыслям жадно верил
Секунду с четвертью, пока
Ты сам длину им не отмерил
Длиною ротного свистка.

Когда осекся звук короткий,
Ты в тот неуловимый миг
Уже тяжелою походкой
Бежал по снегу напрямик.

Осталась только сила ветра,
И грузный шаг по целине,
И те последних тридцать метров,
Где жизнь со смертью наравне!
1942г.